

МАРК ВЕЙНАР

МЕЖДУ УТРОМ И НОЧЬЮ

РОМАН

Марк Вейнар

Между утром и ночью

<https://litres.ru/74297243>

SelfPub; 2026

Аннотация

После Белой вспышки город Вереск расколот на две несовместимые половины суток. Лея живёт в Дневном городе, где никогда не наступает ночь, а каждый вечер мир перескакивает к новому утру. Незвестный Максим существует в Ночном городе — в той же квартире, среди тех же стен, но в недоступной для неё реальности. Старый морозильник становится единственным каналом между ними: через него проходят записки, фотографии и голоса. Максим знает Лею гораздо лучше, чем должен, тогда как из её памяти исчезли месяцы жизни и сам факт их близости. Пока кварталы пропадают, а две фазы опасно сближаются, Лея пытается найти сестру Киру и понять, можно ли доверять человеку из чужой ночи. Но попытка вернуть утраченное время может не спасти Вереск, а окончательно разрушить обе версии города.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Марк Вейнар

Между утром и ночью

Пролог

В шесть семнадцать утра город погас, хотя солнце уже поднялось.

Лея стояла по колено в ледяной воде и держала ладонь на красной рукояти аварийного рубильника. За стеклом центрального зала дрожали белые кольца установки. Они расширялись одно внутри другого, как круги на воде, только вода не должна была проходить сквозь бетон, металл и человеческое тело.

Сирена давно захлебнулась. Теперь по громкой связи раздавался ровный женский голос:

— До разрушения контура двадцать три секунды.

Максим был по другую сторону стекла. Он бил ладонью по заблокированной двери и что-то кричал, но Лея слышала только глухие удары. На его белой рубашке темнело пятно крови. Она не помнила, откуда оно взялось. Не помнила, почему Кира перестала отвечать. Не помнила даже, как они оказались под старой обсерваторией, в зале, которого не существовало ни на одном городском плане.

Она помнила лишь одно: если ничего не сделать, Вереск

исчезнет через двадцать три секунды.

Белые кольца приблизились. Внутри них воздух становился прозрачнее, чем должен быть. Сквозь стену проступила другая стена. На месте пульта управления на миг появилась их кухня: синяя чашка Максима, раскрытое окно, записка на холодильнике. Потом кухня исчезла.

— Лея! — наконец прорвался его голос. — Не трогай рубильник!

— Ты сказал, что «Меридиан» может вывести город из времени.

— На девяносто секунд. Теоретически.

— Нам хватит семнадцати.

Голос под потолком продолжал отсчёт:

— Восемнадцать. Семнадцать. Шестнадцать.

Максим перестал бить в дверь. Он прижал обе ладони к стеклу и посмотрел на неё так, словно вокруг уже не было ни воды, ни сирен, ни умирающего города.

— Если поле разделится, мы можем оказаться по разные стороны.

— Тогда вернёшь меня.

— Я могу не суметь.

Лея попыталась улыбнуться. Получилось плохо.

— Ты всегда возвращаешь то, что потерял.

В его лице что-то сломалось.

— Не всегда.

Свет в зале стал белым. Не ярким — именно белым, плот-

ным, как стена. Лея больше не видела стекла между ними, но всё ещё видела Максима. Он был одновременно рядом и бесконечно далеко.

— Десять. Девять.

— Слушай меня, — сказала она. — Если я забуду, не ставляй меня любить тебя снова.

— Лея...

— Обещай.

Он покачал головой.

— Обещай!

— Обещаю.

Она дёрнула рубильник.

Город раскололся без звука.

На одно мгновение Лея увидела два Вереска. В одном над крышами стояло ослепительное утро. В другом окна отражали глубокую ночь. По одним и тем же улицам шли разные люди, проходя друг сквозь друга. Два трамвая пересеклись на перекрёстке, не столкнувшись. В реке одновременно лежали солнце и луна.

Максим исчез.

Потом исчезла вода.

Потом — последние шесть месяцев её жизни.

Лея открыла глаза в собственной квартире. Часы на стене показывали 06:17.

За окном было утро.

И больше никогда не наступала ночь.

Глава 1

На двадцать третий день после Белой вспышки люди перестали ждать заката.

Первые трое суток Вереск жил так, будто ночь просто задержалась. Закрывались магазины, включались фонари, родители укладывали детей спать под плотными шторами. На четвёртые сутки мэрия признала, что город существует только с шести семнадцати утра до шести семнадцати вечера. В 18:17 происходил «временной срез»: часы перескакивали на следующее утро, солнце возвращалось к восточным крышам, а человеческое тело теряло двенадцать часов, не ощущая их.

Город называли Дневным.

Слово прижилось быстрее, чем страх.

Лея проснулась в 06:17, как всегда, без ощущения, что спала. Ещё секунду назад она стояла у кухонного окна и смотрела, как солнечный диск касается верхушек домов. Затем свет вздрогнул, часы щёлкнули, и она оказалась в кровати — в той же одежде, с неразобранной постелью и холодной чашкой на тумбочке.

Организм не понимал новых правил. Люди валились от усталости посреди рабочего дня, спали под искусственной темнотой, принимали таблетки, ругались на врачей. Лея приспособилась хуже многих. Она научилась закрывать што-

ры в полдень и ставить будильник на четыре часа, но сон оставался неглубоким. Ей постоянно снилось, что кто-то ходит по квартире, когда её здесь нет.

В это утро сон оставил после себя запах дыма.

Лея села и прислушалась.

Дом молчал. За стеной плакал ребёнок соседей, по трубам шла вода, на улице заводился мусоровоз. Всё обычное — насколько обычной могла быть жизнь без ночи.

Запах шёл из кухни.

На столе лежала обгоревшая спичка.

Лея остановилась в дверях. Вчера она оставила стол пустым. Она помнила это точно: протёрла столешницу, убрала чашку, сфотографировала кухню для отчёта Центра пространственной устойчивости. После вспышки горожанам рекомендовали фиксировать расположение вещей. Предметы иногда перемещались во время среза, стены меняли цвет, двери открывались в комнаты, которых прежде не было. Мэрия называла это «остаточной деформацией пространства».

Люди называли проще: город сходил с ума.

Рядом со спичкой темнел круг от чашки. На подоконнике лежала горсть мокрой земли. Окно было приоткрыто.

Лея подошла и закрыла его. На улице не было дождя уже неделю.

Она достала телефон, открыла вчерашний снимок и сравнила. На фотографии окно закрыто, подоконник чистый, стул придвинут к столу. Сейчас стул стоял у стены.

Лея позвонила в диспетчерскую.

— Центр устойчивости, назовите адрес и тип изменения,

— отозвался усталый оператор.

— Речная, восемнадцать, квартира сорок семь. Следы присутствия после среза. Перемещён стул, открыто окно, земля, спичка.

— Газ есть?

— Нет.

— Запах озона?

— Дым.

На линии зашелестели клавиши.

— Дом относится к жёлтой зоне. Заявку зарегистрировал.

До осмотра не трогайте предметы, не пытайтесь проходить через новые двери и не вступайте в контакт с визуальными остатками.

— С какими остатками?

Оператор помолчал.

— Это стандартная формулировка.

Он отключился.

Лея сфотографировала кухню. Спичку поместила в пакет.

Землю трогать не стала.

К девяти она была в Центре. До вспышки здесь располагалось архитектурное бюро. Теперь на стенах висели карты исчезающих улиц, а сотрудники отмечали цветными булавками квартиры, где после среза появлялись чужие вещи. Красных булавок становилось больше каждый день.

— Речная опять? — спросил Артём Веденин, увидев её заявку.

Он сидел на краю стола, пил растворимый кофе и выглядел так, будто не спал все двадцать три дня. До вспышки Артём руководил городской поисково-спасательной группой. После неё стал тем человеком, которого отправляли в дома, решившие поменять планировку вместе с жильцами.

— В моей квартире кто-то курил, — сказала Лея.

— Ты не куришь.

— Поэтому я и заметила.

Артём взял пакет со спичкой, повертел на свету.

— Обычная.

— Мокрая земля тоже обычная. Только дождя не было.

— Может, протечка с крыши.

— На девятом этаже?

— В этом городе я уже не удивлюсь протечке снизу вверх.

Он улыбнулся, но Лея не ответила. Артём стал серьёзным.

— Сегодня направляю группу. До вечера не возвращайся одна.

— В 18:17 всё равно никого рядом не будет.

— Мы пока не знаем, что бывает рядом после среза.

Эта фраза зацепилась за неё.

— Ты что-то знаешь?

— Только слухи.

— Какие?

Артём оглянулся на стеклянную перегородку начальника.

— На Парковой женщина каждое утро находит тёплую ванну. В квартире на Северной кто-то переставляет детские игрушки. В старом районе семь семей слышат шаги в комнатах, которых нет на плане. Люди думают, что это призраки.

— А ты?

— Я думаю, что призраки не закрывают за собой кран.

В 17:40 группа ещё не приехала. В городе случился очередной провал: часть трамвайной линии исчезла вместе с двумя вагонами, и всех спасателей направили туда. Лея вернулась домой одна.

Она проверила замок, окна, комнаты. Ничего нового.

На кухонном столе оставила лист бумаги и написала крупно:

«КТО ЗДЕСЬ БЫЛ?»

Подумав, добавила:

«ЭТО МОЯ КВАРТИРА».

До среза оставалось три минуты.

Лея встала в дверях кухни, включила запись на телефоне и не сводила глаз с листа. В 18:16 свет стал чуть тусклее. Воздух дрогнул, как над горячим асфальтом. Стрелка часов сделала последний круг.

18:17.

Мир моргнул.

Лея очнулась в спальне. За шторами сияло новое утро. Телефон лежал рядом, запись оборвалась ровно на моменте среза.

Она побежала на кухню.

Лист исчез.

Вместо него на столе лежал другой — вырванный из блокнота, сложенный пополам.

Лея развернула его.

Почерк был мужским, неровным, будто человек писал стоя.

«Я тоже считаю, что это моя квартира».

Ниже, другим нажимом:

«И ты опять оставила окно открытым».

Глава 2

Лея перечитала записку семь раз.

В первый — пытаюсь понять смысл. Во второй — проверить, не знает ли почерк. В третий — заметить шутку, которую кто-то счёл удачной. К седьмому разу бумага уже дрожала в её пальцах.

Окно действительно было открыто.

Она захлопнула его и проверила замок. Цел. Пыль на внешнем подоконнике не тронута. Ни пожарная лестница, ни балкон соседей не позволяли попасть в квартиру снаружи.

Лея позвонила Артёму.

— Не трогай записку, — сказал он после короткой паузы.
— Я еду.

— Я уже трогаю.

— Тогда положи и отойди.

— Она не взорвётся.

— Мы не знаем.

Он приехал через двадцать минут с двумя сотрудниками в серых комбинезонах. Они сняли отпечатки, проверили стены тепловизором, вскрыли вентиляционную решётку, осмотрели карниз. Один из них залез в шкаф и долго стучал по задней панели.

— Скрытых проходов нет, — наконец объявил Артём.

— Удивительно.

— Лея.

— Что?

— Я пытаюсь помочь.

— Тогда объясни, как записка оказалась на столе.

Он посмотрел на лист через прозрачный пакет.

— Возможно, предмет попал сюда из пространственного кармана.

— И пространственный карман знает, что я оставляю окно открытым?

— Возможно, текст существовал раньше.

— На бумаге из блокнота, которого у меня нет?

Молодой сотрудник у холодильника поднял руку.

— Здесь холоднее.

Все повернулись.

В углу кухни стояла старая морозильная камера, оставшаяся от прежних хозяев. Лея не пользовалась ею: после вспышки электричество подавали с перебоями, а холодильника хватало. Сотрудник провёл датчиком вдоль дверцы.

— Минус четыре снаружи. При комнатной температуре двадцать два.

— Она отключена, — сказала Лея.

Артём открыл крышку. Изнутри пахло холодом и сыростью. Камера была пуста, но на белом пластике лежала ещё одна обгоревшая спичка.

Лея почувствовала, как кожа покрывается мурашками.

— Вчера её там не было.

— Ты проверяла?

— Нет.

Артём закрыл крышку.

— Заберём камеру на исследование.

— Нет.

— Это может быть опасно.

— Это единственное место, через которое он передаёт вещи.

— «Он»?

— Человек, который написал записку.

— Мы не знаем, человек ли это.

— Почерк вполне человеческий.

Артём велел сотрудникам выйти и прикрыл дверь кухни.

— Слушай внимательно. В управлении уже обсуждают случаи «ответных следов». Информацию не публикуют, чтобы не началась паника. В некоторых квартирах люди оставляли послания. Иногда получали ответы.

— Почему ты не сказал раньше?

— Потому что после ответа у одной семьи исчез ребёнок.

Лея замерла.

— Как исчез?

— Был вечером, не появился после среза. Его вещи остались. На стене нашли чужую надпись: «Он теперь с нами».

Слова повисли между ними.

— И ты решил, что лучше ничего не знать?

— Я решил, что не хочу потерять ещё кого-нибудь.

Артём произнёс это слишком тихо. Лея знала, о ком он думает. В момент вспышки его жена Света и восьмилетний сын находились в другом районе. Он нашёл их в тот же день — живых, испуганных, но вместе. С тех пор Артём видел угрозу во всём, что могло изменить хрупкий порядок Дневного города.

— Камеру не забирайте, — сказала Лея. — Я оставлю ещё одну записку.

— Нет.

— Это моя квартира.

— А если не только твоя?

Она посмотрела на пакет в его руке.

— Именно поэтому я должна узнать.

После ухода группы Лея долго сидела перед морозильной камерой. В голове звучала история об исчезнувшем ребёнке. Она пыталась представить мать, открывающую пустую комнату после среза. Пыталась убедить себя, что незнакомец мог быть опасен.

Но записка не звучала как угроза. В ней было раздражение, почти бытовое. Так пишут человеку, с которым спорят не первый раз.

Лея взяла новый лист.

«КАК ВЫ ПОПАЛИ В МОЮ КВАРТИРУ?»

Зачеркнула «вы» и написала «ты».

«КАК ТЫ ПОПАЛ В МОЮ КВАРТИРУ?»

Ниже:

«КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?»

Она положила лист в морозильную камеру, закрыла крышку и сфотографировала часы. До среза было ещё десять часов.

Этот день оказался длиннее всех предыдущих. Лея не смогла работать. Она возвращалась домой каждые два часа, проверяла камеру, хотя понимала: ответ появится только после 18:17. В 17:55 Артём позвонил и потребовал, чтобы она провела срез у него дома.

— Я запер дверь и поставил камеру под наблюдение, — сказала Лея.

— Запись всё равно оборвётся.

— Тогда хотя бы узнаем, перемещается ли она до среза.

— Не узнаем. Лея, это не эксперимент. Это контакт с неизвестным явлением.

— Именно поэтому это эксперимент.

— Ты всегда была такой упрямой?

Она хотела ответить, но внезапно не смогла. До вспышки в её памяти зияла ровная пустота длиной в шесть месяцев. Врачи называли её ретроградной амнезией после стресса. Лея помнила работу, друзей, квартиру, Киру. Помнила, что жила одна. Но иногда находила следы другой жизни: мужскую зубную щётку в дальнем ящике, две чашки из одного набора, фотографию на телефоне, удалённую так тщательно, что остался лишь серый квадрат в облаке.

Была ли она упрямой в эти шесть месяцев? Была ли счаст-

ливой? Любила ли кого-то?

— Не знаю, — призналась она.

В 18:16 Лея села на кухонный пол, прислонившись к шкафу. Камера стояла перед ней. На крышке лежал нож — бессмысленная, но успокаивающая мера.

18:17.

Срез.

Она открыла глаза в спальне и сразу посмотрела на часы:
06:17.

Кухня встретила её запахом кофе.

На столе стояла тёплая чашка. Тёмная поверхность ещё колебалась.

Лея не прикоснулась к ней. Подняла крышку морозильной камеры.

Её лист исчез. На дне лежал сложенный ответ.

«Я никуда не попадал. Я живу здесь третий год».

Следующая строка была написана медленнее:

«Меня зовут Максим».

И ещё ниже:

«У меня сейчас ночь. Какая погода у тебя?»

Глава 3

Лея написала: «Утро. Всегда утро».

Максим ответил: «У нас всегда ночь».

На проверку этой простой фразы ушло три дня.

Они договорились не сообщать друг другу ничего лично-го, пока не убедятся, что контакт настоящий. Лея оставляла в морозильной камере предметы, которые трудно подделать: вырезанную из газеты дату, половину игровой карты, веточку свежей сирени. После среза предметы исчезали. На их месте появлялись ночные доказательства: билет на трамвай с тем же числом, но другим временем; влажный лист, пахнущий холодным дождём; фотография Речной улицы под чёрным небом.

На снимке её дом был освещён только тремя окнами. Над крышей висела луна.

Лея рассматривала фотографию так долго, что изображение начало казаться поддельным. Она увеличила номер припаркованной машины, вывеску круглосуточной аптеки, трещину на фасаде. Всё совпадало. Не совпадало только небо.

В Дневном городе луна не появлялась со вспышки.

«Сколько у вас людей?» — спросила она.

«Не знаю. Меньше, чем было. Официально сто восемьдесят тысяч».

В Вереске до вспышки жили почти семьсот тысяч.

«У нас около четырёхсот».

Ответ пришёл короткий:

«Значит, остальные пропали».

Лея не стала писать, что среди пропавших была Кира.

Они начали составлять правила.

Первое: обычные предметы не переходят между фазами. После среза квартира словно меняла хозяина, но вещи каждого оставались в его мире. Лея видела собственный стол, собственную посуду и собственную одежду. Максим — свои. Исключением была морозильная камера. Всё, что клали внутрь, оказывалось у другого.

Второе: свежие предметы проходили лучше старых. Цветок увядал, но сохранялся. Монета нагревалась и возвращалась к прежнему владельцу через два среза. Электронные устройства не работали — телефон Леи превратился у Максима в кусок горячего стекла, а затем снова появился у неё с выгоревшим экраном.

Третье: жидкости не проходили. Вода исчезала, оставляя только соль и запах.

Четвёртое: писать следовало карандашом. Чернила иногда расплывались в зеркальные линии.

Пятое предложил Максим:

«Не открывать морозильную камеру во время среза».

«Почему?»

«Потому что я уже пробовал».

«Что случилось?»

Он не ответил до следующего дня.

«Я увидел твою руку».

Лея перечитала фразу и невольно посмотрела на пальцы.

«Какую?»

«Левую. На секунду. Ты держала лист».

«У меня не было листа в руке».

«Значит, это была не ты сейчас».

После этого они двое суток ничего не передавали.

Лея пыталась вернуться к нормальной жизни. Она отмечала на карте новые пространственные разрывы, проверяла дома, где комнаты менялись местами, слушала ежедневные сводки мэрии. О Ночном городе в них не говорили. Использовали выражения «обратная фаза», «остаточная среда» и «враждебный контур». В городских каналах ходили слухи, что по ту сторону живут копии людей, желающие занять их места.

Однажды начальник собрал сотрудников Центра и показал фотографию надписи на стене:

«ОТДАЙТЕ НАМ СОЛНЦЕ».

— Это зафиксировано в квартире на Парковой, — сказал он. — Любые контакты с обратной фазой запрещены. Сообщения, предметы, голоса немедленно передавать службе контроля.

Лея спрятала ночную фотографию глубже в карман.

В тот же вечер Максим оставил ей пластинку. Маленькую, гибкую, почти прозрачную. Она прошла через камеру, хотя

электронные устройства обычно сгорали.

«У тебя остался старый проигрыватель?» — написал он.

Лея посмотрела на шкаф в гостиной. Проигрыватель действительно стоял на нижней полке. Она не помнила, когда покупала его. На крышке была царапина в форме полумесяца.

«Откуда ты знаешь?»

«У меня такой же».

Она поставила пластинку. Игла шипела почти минуту. Потом из динамика раздался мужской голос, глухой и далёкий:

— Проверка. Если ты это слышишь, аналоговый звук проходит. Лея, не пугайся. Я не знаю, почему квартира общая. Не знаю, почему вещи остаются разными. Но думаю, мы не в двух местах. Мы в одном месте в разное время.

Он замолчал. На записи послышался стук дождя.

— И ещё. Я соврал насчёт руки. Я видел не только её.

Лея наклонилась ближе к динамику.

— Я видел твоё лицо. Я тебя знаю.

Пластинка закончилась.

Она стояла в тишине, пока игла снова и снова ударялась о край дорожки.

Потом достала карандаш.

«ОТКУДА?»

Ответ пришёл после среза.

«Не через записки».

Ниже Максим нарисовал прямоугольник и стрелку к старому автоответчику, стоявшему в прихожей. Аппарат достался Лее вместе с квартирой и никогда не был подключён.

«Включи его ровно в 18:16. Возможно, линия откроется на минуту».

Лея весь день думала, сообщить ли Артёму. В 18:10 отключила телефон, задёрнула шторы и поставила автоответчик на кухонный стол.

В 18:16 вставила вилку в розетку.

Аппарат ожил. Красный индикатор мигнул, хотя телефонного кабеля не было.

Из динамика донёсся шум. Затем дыхание.

— Лея? — сказал мужской голос.

Она не ответила. Сердце ударило так сильно, что стало больно.

— Я знаю, что ты слышишь. У нас осталось меньше минуты.

— Где ты меня видел? — спросила она.

На той стороне воцарилась тишина.

— Максим?

— Не где, — произнёс он. — Когда.

Часы показали 18:17.

Мир моргнул.

Автоответчик погас.

Глава 4

На следующий день исчезла улица Мельникова.

Не разрушилась и не провалилась. Она просто перестала существовать между двумя перекрёстками. Автомобили, въезжавшие с северной стороны, появлялись на южной через долю секунды, будто семисот метров дороги никогда не было. На спутниковых снимках оставалась ровная серая полоса, но люди не могли на неё попасть.

Лея приехала туда вместе с группой Артёма. За ограждением собралась толпа. Кто-то плакал: в исчезнувшем отрезке находились три жилых дома, детская поликлиника и небольшой супермаркет. Телефоны жителей отвечали, но вместо голосов передавали только шум, похожий на ночной дождь.

— Ещё вчера коэффициент устойчивости был нормальным, — сказала Лея, сверяясь с планшетом.

— Вчера там никто не оставлял посланий? — спросил Артём.

Она подняла глаза.

— Ты теперь каждую деформацию будешь связывать с Ночным городом?

— А ты не будешь?

— У меня нет данных.

— У тебя есть человек по ту сторону.

Лея замерла.

Артём смотрел на неё спокойно, почти печально.

— Откуда ты знаешь?

— В квартире стояла камера. Мы оставили датчик внутри корпуса. После среза он зарегистрировал электромагнитный импульс и голосовую активность.

— Ты следил за мной.

— Я пытался понять, что происходит.

— Это моя квартира.

— В твоей квартире находится нестабильный переход. Вчера через подобный переход пропали три дома.

Лея опустила планшет.

— Ты ничего не докажешь.

— Я не хочу ничего доказывать. Я хочу, чтобы ты прекратила контакт до тех пор, пока мы не поймём последствия.

— А если по ту сторону Кира?

Он отвёл взгляд. Этого хватило.

— Ты что-то знаешь о ней.

— Нет.

— Артём.

— В списках Ночной фазы есть женщина с её именем. Мы получили часть реестра неделю назад.

Лея перестала слышать толпу, сирены, шум генераторов.

— Она жива?

— Реестр мог быть подделкой.

— Почему ты молчал?

— Потому что служба контроля считает такие списки

приманкой. Ночные уже пытались вызвать людей к разрывам, обещая вернуть родственников.

— Ты видел её имя и решил за меня, что мне лучше не знать?

— Я видел, как ты ищешь её каждый день. И видел, что происходит с людьми, которые поверили.

Лея пошла к машине. Артём догнал её у ограждения.

— Не возвращайся к переходу.

— Это не просьба?

— Пока просьба.

Она уехала, не ответив.

В квартире Лея сразу включила автоответчик. До открытия линии оставалось семь часов. Она написала Максиму одну фразу и положила в морозильную камеру:

«КИРА АСТАХОВА. ТЫ ЗНАЕШЬ ЕЁ?»

Ответ пришёл после среза.

«Да».

Больше ничего.

Лея прижала лист к столу, чтобы не смять.

«ОНА ЖИВА?»

Двенадцать часов ожидания превратились в пытку. Она пыталась дозвониться до Артёма, но он не отвечал. В Центре сообщили, что его группа продолжает эвакуацию вокруг Мельникова. Лея ходила по квартире, перебирала вещи Киры, оставшиеся после её последнего визита: красный шарф, зарядку, серьгу без пары. Последний разговор с сестрой она

помнила плохо. Кира торопилась, нервничала, просила не верить человеку, чьё имя Лея не могла восстановить.

— Ты всегда выбираешь тех, кого нужно спасать, — сказала тогда Кира. — Однажды выбери себя.

Кого она имела в виду?

В 18:16 Лея сидела перед автоответчиком.

Индикатор загорелся раньше обычного. Из динамика раздалось потрескивание.

— Лея, — сказал Максим. — Не задавай вопросов, пока не выслушаешь.

— Кира жива?

— Да.

Одно слово раскололо в ней все двадцать три дня страха.

— Где она?

— В Ночном Вереске. Я видел её вчера.

— Дай ей поговорить со мной.

— Сейчас нельзя.

— Почему?

— Потому что она не доверяет линии. И мне.

— Что между вами произошло?

— Многое.

— Ты её знаешь. Ты знаешь меня. Ты знаешь квартиру.

Хватит отвечать половинами фраз.

В динамике зашуршало. Максим тяжело выдохнул.

— До вспышки мы были знакомы.

— Насколько?

Он молчал слишком долго.

— Максим.

— Ты носила кольцо.

Лея посмотрела на левую руку.

— Какое кольцо?

— Моё.

Линия зашипела, но ещё не оборвалась.

— Мы были женаты?

— Нет.

— Тогда что значит «твое»?

— Мы собирались пожениться.

Часы показывали 18:16 и пятьдесят восемь секунд.

— Я не помню тебя, — прошептала Лея.

— Знаю.

— Почему?

— Потому что ты сама попросила всё стереть.

Срез оборвал связь.

Лея открыла глаза в спальне. Утро заливало комнату слишком ярким светом.

На безымянном пальце левой руки проступила тонкая красная полоса — будто кольцо сняли только что.

Глава 5

Лея нашла кольцо в коробке с зимней обувью.

Она не знала, почему полезла именно туда. Возможно, тело помнило лучше разума. Под стелькой старого ботинка лежал маленький тканевый мешочек. Внутри — простое серебряное кольцо с тёмной линией по центру.

На внутренней стороне была выгравирована дата.

До Белой вспышки оставалось сорок два дня.

Лея надела кольцо. Оно подошло идеально.

Вместе с ним не вернулось ни одного воспоминания. Только чувство: когда-то она уже стояла у этого окна, крутила металл на пальце и пыталась решить, снять его или оставить.

Она сфотографировала находку и написала Максиму: «ПОЧЕМУ Я ПОПРОСИЛА СТЕРЕТЬ ПАМЯТЬ?»

Ответа не было два среза.

В квартире появлялись его следы. Чашка кофе на столе. Сложенный плед. Запах древесного одеколона в ванной. Однажды Лея увидела на зеркале слово «прости», написанное пальцем по пару. Оно исчезло через минуту.

Она начала замечать странную закономерность: чем сильнее думала о Максиме, тем отчётливее становились следы. Если старалась не вспоминать его голос, квартира оставалась почти неизменной. Если перечитывала записки, на подуш-

ке появлялась вмятина, а проигрыватель сам включал тихую музыку.

На третий день Максим прислал ответ.

«Я не могу объяснить письмом. Кира согласилась выйти на линию завтра. Она расскажет больше».

Ниже:

«Кольцо нашла?»

Лея не писала ему о коробке.

«ОТКУДА ТЫ ЗНАЕШЬ, ГДЕ ОНО?»

«Я его туда положил».

Она сжала карандаш.

«КОГДА?»

«До вспышки».

«ЗАЧЕМ?»

«Ты бросила его мне в лицо».

Несмотря на страх, Лея рассмеялась. Смех вышел коротким и злым.

«ПОХОЖЕ, Я БЫЛА ПРАВА».

Ответ пришёл на следующее утро:

«Возможно».

Это «возможно» раздражало сильнее оправданий.

В Центре обстановка ухудшалась. Улица Мельникова не вернулась. За сутки исчезли ещё две квартиры и подземный переход. По официальным каналам передали, что деформации вызваны «несанкционированными попытками контакта». Служба контроля начала обход домов жёлтой зоны.

Артём не появлялся на работе. Лея узнала, что его отстранили после ссоры с начальством: он требовал эвакуировать целый район, а мэрия отказалась признавать риск.

В обед он сам пришёл к ней. На скуле темнел синяк.

— Ты говорила с ним? — спросил Артём.

— Да.

— И?

— Кира жива.

— Он сказал.

— Завтра я услышу её.

Артём сел напротив, сцепил руки.

— Лея, в Ночном реестре есть не только Кира. Там указаны люди, которых мы похоронили после вспышки. Есть те, кто умер за несколько дней до неё.

— Что ты хочешь сказать?

— Может, это не люди. Может, фаза собирает образы из нашей памяти.

— Максим передаёт реальные предметы.

— Мы не знаем, что такое реальность после вспышки.

Лея положила ладонь на стол. Кольцо она спрятала в карман, но кожа под ним всё ещё ощущала металл.

— Я знала его до аварии.

— Он так сказал?

— Нашла кольцо. Совместную регистрацию квартиры. Удалённые фотографии.

— Это можно подделать.

— Мою память сложнее.

— Ты ничего не помнишь.

— Именно. Значит, кто-то сделал так, чтобы я не помнила.

Артём посмотрел на неё с тревогой.

— А если этот кто-то — Максим?

Вопрос остался с ней до вечера.

Перед срезом Лея резала хлеб и думала, что скажет Ки-ре. Нож соскользнул. Лезвие полоснуло основание большого пальца.

Боль оказалась резкой, почти обидной. Лея выругалась, прижала салфетку. Порез был неглубоким, но кровь не оставливалась.

В 18:17 произошёл срез.

Она очнулась в спальне с перевязанной рукой.

Лея не накладывала повязку.

На кухонном столе лежал лист, испачканный кровью.

«ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА С РУКОЙ?»

Она развернула ладонь. Под чужой аккуратной повязкой порез оставался на месте.

Рядом лежала фотография. Максим снял свою руку. На том же месте, у основания большого пальца, зияла свежая рана.

Ниже он написал:

«Я почувствовал это в 06:17».

Лея быстро вывела:

«МЫ ДЕЛИМ БОЛЬ?»

Ответ появился не после следующего среза, а прямо на её глазах. Серые линии проступили на бумаге, словно карандаш двигался с обратной стороны.

«НЕ ТОЛЬКО БОЛЬ».

Лея отшатнулась.

На секунду кухня стала тёмной. За окном мелькнула ночь, отражение луны легло на стекло. За столом сидел мужчина. Она не успела рассмотреть лицо — только тёмные волосы, поднятую руку и серебряное кольцо на пальце.

Он смотрел прямо на неё.

Потом утро вернулось.

На автоответчике загорелся красный огонёк.

— Лея, — произнёс Максим без обычных помех. — Не жди завтра. Кира пропала.

Глава 6

— Что значит «пропала»?

Красный огонёк автоответчика дрожал. За окном стояло утро, но голос Максима шёл из ночи без задержки, будто он находился в соседней комнате.

— Кира должна была прийти к станции связи час назад. Не пришла. Её квартира открыта, вещи на месте.

— Кто мог её забрать?

— Служба Ночного контура. Или она ушла сама.

— Почему её ищут?

— Потому что она знает о «Меридиане» больше, чем должна.

Лея вцепилась в край стола.

— А ты, значит, знаешь ровно столько, сколько нужно?

— Я работал там.

— Кем?

— Инженером поля.

— Поля, которое раскололо город?

В динамике зашипело. На миг Лея слышала чужие голоса и далёкую сирену.

— Я не могу всё объяснить через эту линию. Она нестабильна.

— Она достаточно стабильна, чтобы три дня лгать мне.

— Я не лгал о Кире.

— Ты лгал обо всём остальном.

Максим замолчал. Потом произнёс:

— В морозильной камере карта. Кира оставила её мне на случай, если не вернётся. На карте отмечено место, которое существует в обеих фазах дольше обычного. Возможно, там она сможет связаться с тобой.

— Или это ловушка.

— Возможно.

Его спокойствие разозлило её.

— И ты предлагаешь мне пойти туда?

— Нет. Я предлагаю не идти. Но знаю, что ты всё равно пойдёшь.

— Ты действительно меня знаешь?

Шум усилился. Максим ответил едва слышно:

— Лучше, чем имею право.

Огонёк погас.

В морозильной камере лежала схема старой линии метро. Красным крестом была отмечена закрытая станция «Обсерватория». Её законсервировали двенадцать лет назад после обрушения тоннеля. По официальным данным под станцией не было ничего, кроме грунтовых вод и коммуникаций.

Лея знала, что это неправда.

Ещё до вспышки она участвовала в обновлении цифровой карты Вереска. Под «Обсерваторией» обнаружили пустоты, но доступ к ним закрыл федеральный подрядчик. После этого часть файлов исчезла из системы, а Лее предложили

забыть о находке.

Она не забыла. Только не помнила, что делала потом.

До следующего среза оставалось одиннадцать часов. Лея приехала в Центр и подняла архивы. План станции открывался медленно, отдельные слои были повреждены. Красная метка Максима совпадала с техническим коридором, которого не было на публичных схемах.

— Собралась гулять по закрытому метро? — спросил Артём за спиной.

Лея закрыла экран.

— Ты теперь читаешь мысли?

— Нет. Только историю запросов.

Он выглядел хуже, чем утром: синяк потемнел, на рукаве засохла кровь.

— Что случилось?

— На Мельникова вернулся один дом.

— Люди?

— Пятеро. В доме было семьдесят четыре жильца.

— Что они говорят?

— Для них прошло несколько минут. Они видели ночь. И людей, которые жили в их квартирах.

Лея почувствовала холод.

— Значит, Ночной город реален.

— Или достаточно реален, чтобы убивать.

— Пятеро погибли?

— Нет. Пятеро вернулись. Остальные остались там.

Он сел рядом.

— Служба контроля готовит приказ об изъятии всех переходных предметов. В том числе твоей морозильной камеры.

— Когда?

— Сегодня до среза.

— Ты пришёл предупредить?

— Я пришёл забрать тебя из квартиры, когда они начнут обыск.

Лея посмотрела на карту станции.

— Кира пропала в Ночном городе.

— Максим сказал?

— Она оставила координаты.

— И ты ему веришь?

— Я верю, что моя сестра жива.

— Это разные вещи.

— Для меня нет.

Артём долго молчал. Потом достал из кармана ключ-карту спасательной службы и положил на стол.

— На «Обсерватории» заблокированы два входа. Этот откроет северный. Внутри нет связи. Если увидишь свет, которого не должно быть, не иди к нему. Если услышишь знакомый голос — тем более.

— Ты меня отпускаешь?

— Я не могу тебя остановить. Но могу дать шанс вернуться.

— А приказ?

— Потяну время.

Лея взяла карту.

В 16:40 она спустилась в метро. За запечатанными дверями пахло ржавчиной и сыростью. Фонарик выхватывал из тьмы старые плакаты, облупившуюся плитку, рельсы, уходящие в чёрный тоннель.

На стене кто-то недавно нарисовал белую линию. Она тянулась вдоль платформы, затем сворачивала в служебный проход.

Лея шла по ней двадцать минут. Чем глубже она спускалась, тем холоднее становилось. Часы на телефоне начали отставать: 17:02, 16:58, 17:04. Воздух гудел.

В конце коридора стояла металлическая дверь. На ней мелом было написано:

«ЛЕЯ, НЕ ВЕРЬ ЕМУ».

Почерк Киры.

Ниже — свежая царапина, будто кто-то пытался стереть вторую строку. Лея провела пальцами по металлу и разобрала слова:

«ОН УЖЕ ОДНАЖДЫ ВЫБРАЛ ТЕБЯ».

За дверью послышался шаг.

Лея отступила.

— Кира?

Ответил мужской голос:

— До среза девять минут. Ты не должна быть здесь.

Это был Максим.

Не из автоответчика. Не через помехи.
Он стоял по другую сторону двери.

Глава 7

Лея прижала ладонь к холодному металлу.

— Ты меня слышишь?

— Да.

Голос Максима звучал близко. Между ними было не больше нескольких сантиметров, хотя дверь разделяла не только коридор, но и две половины суток.

— Открой, — сказала она.

— Нельзя.

— Кира была здесь?

— Была.

— Что с ней?

— Она нашла вход в нижний контур. Служба идёт за ней.

— Тогда открой.

— Если мы одновременно откроем дверь, фазы соприкоснутся. В прошлый раз исчезла улица.

— Это сделал ты?

— Нет. Но я был рядом.

Лея посмотрела на часы. Они показывали 17:51, затем перескочили на 17:48.

— На стене сообщение Киры.

— Я знаю.

— Что значит «ты выбрал меня»?

За дверью стало тихо.

— Максим?

— Когда началась авария, у меня был выбор. Отключить поле или запустить разделение.

— Если бы отключил?

— Погиб бы весь центр города.

— А при разделении?

— Я не знал.

— Но запустил.

— Да.

— Из-за меня?

— Не только.

— Это не ответ.

С той стороны раздался удар. Максим резко вдохнул.

— Они пришли раньше. Лея, уходи.

— Кто?

— Ночной контроль. Они видят повышение поля. Если поймут, что ты здесь, попытаются открыть дверь со своей стороны.

— Ты только что сказал, что этого нельзя делать.

— Им всё равно.

Послышались голоса. Кто-то приказал отойти от перехода. Затем грохнул выстрел.

Лея дёрнула ручку. Дверь не поддавалась.

— Максим!

— Я в порядке. Беги к платформе. Не касайся белой линии после 18:10.

— Где Кира?

— Внизу. Я найду её.

— Почему я должна тебе верить?

— Не должна.

Ещё один выстрел. По двери прошла дрожь. Металл начал светлеть изнутри. На его поверхности проступил силуэт мужчины: плечи, поднятая рука, лицо, которое Лея всё ещё не могла увидеть целиком.

Она отступила.

— Уходи! — крикнул Максим.

Лея побежала.

Белая линия на полу засияла. Сначала слабо, потом ярче. Вдоль коридора появлялись тёмные проёмы — двери в комнаты Ночного города. В одной Лея увидела людей в чёрной форме. В другой — Киру, бегущую по лестнице. Сестра была бледной, с разбитой губой, но живой.

— Кира!

Та не слышала.

Лея бросилась к проёму. Пространство между ними было прозрачным, как толстое стекло. Она ударила ладонью. Кира остановилась, будто почувствовала, повернула голову.

Их взгляды встретились.

На секунду лицо сестры изменилось. Облегчение сменилось ужасом.

— Не подходи! — закричала Кира, но звук пришёл с задержкой.

Белая линия вспыхнула.

Лея ощутила чужой удар в грудь и упала. В коридоре одновременно стало светло и темно. Чьи-то ноги пробежали сквозь неё. Стена исчезла, открывая ночную платформу, полную людей. Они смотрели на Лею так же испуганно, как она на них.

Часы показали 18:17.

Срез вырвал её из метро.

Лея очнулась в своей спальне. На полу, в мокрой куртке, с кровью на губах.

Она не помнила, как вернулась домой.

На кухне всё было перевёрнуто. Морозильная камера стояла открытой, вокруг неё растаял круг льда. На стене висела фотография, которой прежде не было.

Лея и Максим сидели на полу этой же кухни. Она смеялась, запрокинув голову. Он держал её за талию и смотрел не в объектив, а на неё. На пальце Леи было кольцо.

Снимок вернул не память, а боль утраты — такую сильную, что она согнулась.

В дверь постучали.

— Лея! — крикнул Артём. — Открой!

Она сняла фотографию со стены и спрятала под одежду. В прихожей уже щёлкнул замок: Артём воспользовался служебным ключом.

Он вошёл вместе с тремя людьми в форме контроля.

— Что произошло в метро? — спросил один из них.

— Не знаю.

— Поле выросло в шесть раз. На Мельникова исчез ещё один дом.

Лея посмотрела на Артёма.

— Ты привёл их?

— У меня не было выбора.

Сотрудники прошли на кухню. Один надел перчатки и закрыл морозильную камеру.

— Объект изымается.

— Нет.

Лея шагнула вперёд, но Артём удержал её.

— Не сейчас, — тихо сказал он.

— Там моя сестра.

— И каждый контакт делает город слабее.

— Ты не знаешь этого.

— Сегодня пропали люди.

— Они могли оказаться в Ночной фазе. Они не умерли.

— Для семей здесь разницы нет.

Камеру отключили и повезли к двери. Лея вырвалась из рук Артёма.

— Максим обещал найти Киру.

Начальник группы остановился.

— Максим Ланской?

— Вы его знаете?

Мужчина посмотрел на неё с настоящим удивлением.

— Ланской погиб в момент вспышки. Его тело нашли в

центральном зале «Меридиана».

Глава 8

В Ночном Вереске дождь шёл вверх.

Капли отрывались от асфальта и поднимались к облакам, оставляя улицы сухими. Максим заметил это три дня назад и никому не сказал. В городе и без того хватало причин для паники.

Он сидел в техническом тоннеле под «Обсерваторией», прижимая ладонь к простреленному боку. Пуля прошла по касательной. Боль была терпимой, но с каждым вдохом на пальцах появлялось всё больше крови.

— Ты стал медленнее, — сказала Кира.

Она стояла у распределительного шкафа и пыталась вскрыть панель ножом. Волосы прилипли к лицу, губа была разбита. На куртке белела эмблема Ночного контроля — форму она сняла с одного из преследователей.

— А ты стала хуже выбирать друзей, — ответил Максим.

— Я никогда тебя не выбирала.

— Именно это и имею в виду.

Кира дёрнула панель. Замок не поддался.

— Лея была в коридоре.

— Я видел.

— Ты позволил ей прийти.

— Я сказал не приходить.

— Ты прекрасно знал, что она не послушает.

Максим сел ровнее. В стенах гудело поле. После контакта у двери фазы сблизились ещё на три сотых секунды. Казалось ничтожным, но город уже терял кварталы.

— Мне нужна её помощь, — сказал он.

— Тебе всегда что-нибудь от неё нужно.

— А тебе нужен доступ к ядру. Поэтому перестань делать вид, что пришла спасать сестру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.